

Шуйский судили наряду с иными боярами, следуя мановению *правителя*; ибо так современники именовали Бориса, который один, в глазах России, смело правил рулем государственным, повелевал именем царским, но действовал своим умом, имея советников, но не имея ни совместников, ни товарищей.

Когда Феодор, утомленный мирским великолепием, искал отдохновения в набожности; когда, прервав блестящие забавы и пиры, в виде смиренного богомольца ходил пешком из монастыря в монастырь, в лавру Сергиеву и в иные святые обители, вместе с супругою, провождаемою знатнейшими боярынями и целым полком особенных царицыных телохранителей (пышность новая, изобретенная Годуновым, чтобы вселить в народе более уважения к Ирине и к ее роду)... в то время правительство неусыпно занималось важными делами государственными, исправляло злоупотребления власти, утверждало безопасность внутреннюю и внешнюю. Во всей России, как в счастливые времена князя Ивана Бельского и Адашева, сменили худых наместников, воевод и судей, избрав лучших; грозя казнию за неправду, удвоили жалованье чиновников, чтобы они могли пристойно жить без лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, где надлежало восстановить честь оружия или спокойствие отечества. Начали с Казани. Еще лилася кровь россиян на берегах Волги и бунт кипел в земле черемисской: Годунов более умом, нежели мечом, смирил мятежников, уверив их, что новый царь, забывая старые преступления, готов, как добрый отец, миловать и виновных в случае искреннего раскаяния: они прислали старейшин в Москву и дали клятву в верности. Тогда же Борис велел устроить крепости на Горной и Луговой стороне Волги, Цывильск, Уржум, Царев-город на Кокшаге, Санчурек и другие, населил оные россиянами и тем водворил тишину в сей земле, столь долго для нас бедственной.

Усмирив Казанское царство, Годунов довершил завоевание Сибирского. Еще не зная о гибели Ермака, но зная уменьшение его сил от болезней и голода, он немедленно послал туда воеводу, Ивана Мансурова с отрядом стрельцов, а вслед за ним и других, Василия Сукина, Ивана Мясного, Данила Чулкова с знатным числом ратников и с огнестрельным снаряжением. Первый встретил наших сибирских витязей, атамана Матвея Мещерякова с остатком Ермаковых сподвижников, на реке

Туре. «Добные козаки ожили радостию», — говорил летописец не боясь новых опасностей и битв, ужасаясь единственно мысли ли явиться в отечестве бедными изгнанниками, с вестием о завоевании утраченном, они, исполненные мужества и надежды, возвратились к устью Тобола, но не могли взять Искер где властвовал уже не старец Кучюм, а юный, бодрый князь Сейдяк, его победитель: сведав о бегстве козаков, он собрал толпы ногаев, преданных ему татар сибирских, выгнал Кучюма и, слыша о новом приближении россиян, стоял на берегу Иртыша, с войском многочисленным, готовый к усиленному бою. Козаки предложили Мансурову плыть далее Иртышом несмотря на осеннее время, холод и морозы. Там, где сия река впадает в Обь, они вышли на берег и сделали деревянную крепость: пишут, что остяки, думая взять оную, принесли с собою славного белогорского идола, или *Шайтана*, начали ему молиться под деревом и разбежались от ужаса, когда россияне пушечным выстрелом сокрушили сей кумир обожаемый. — Воеводы Сукин и Мясной остановились на берегу Туры и на месте городка Чингия основали нынешний Тюмень. Чулков же, не находя сопротивления или преодолев оное, заложил Тобольск и в нем первую церковь христианскую (в 1587 году); известил о том воеводу Мансурова, атамана Мещеряка, соединился с ними, разбил князя Сейдяка, дерзнувшего приступить к Тобольской крепости, взял его в плен раненого, весь обоз, все богатство, и сею победою, которая стоила жизни последнему Ермакову атаману, Никите Мещеряку, довершил падение ногайского Иртышского царства. Искер опустел, и Тобольск сделался новою столицею Сибири. Другое же, менее вероятное предание славит не мужество, а хитрость воеводы Чулкова, весьма не достохвальную: узнав, как пишут, что Сейдяк, друг его, царевич киргизский Ураз-Магмет и Мурза-Карача вышли из Искера с пятьюстами воинами и на *Княжеском лугу*, близ Тобольска, увеселяются птичьей ловлею, воевода пригласил их к себе в гости, связал и послал в Москву. — Еще изгнанник Кучюм держался с шайками ногаев Тайгубина улуса в степи Барабинской, жег селения, убивал людей в волостях Курдацкой, Салынской, в самых окрестностях Тобола: чтобы унять сего разбойника, новый сибирский воевода, князь Кельцов-Мосальский, ходил во глубину пустынь Ишимских и близ озера Чили-Кула (1 августа 1591) истребил большую часть его

конницы, захватив двух жен ханских и сына, именем Абдул-Хаира. Тщетно государь, желая водворить тишину в своем новом, отдаленном царстве, предлагал Кучюму жалованье, города и волости в России; обещал даже оставить его царем в земле Сибирской, если он с покорностию явится в Москве. О том же писал к отцу и пленник Абдул-Хаир, славя великодушие Феодора, который дал ему и царевичу Маметкулу богатые земли в собственность, *любя живить смертных и миловать виновных*. Оставленный двумя сыновьями, ногайскими союзниками и знатым Чин-Мурзою (который выехал к нам вместе с матерью царевича Маметкула), Кучюм гордо отвечивал на предложения Феодоровы: «Я не уступал Сибири Ермаку, хотя он и взял ее. Желая мира, требую иртышского берега». Но бессильная злоба Кучюмова не мешала россиянам более и более укрепляться в Сибири заложением новых городов от реки Печоры до Кети и Тары, для безопасного сообщения с Пермью и с Уфою, тогда же построенною, вместе с *Самарою*, для обуздания ногаев. В 1592 году, при тобольском воеводе князе Феодоре Михайловиче Лобанове-Ростовском, были основаны Пелым, Березов, Сургут; в 1594 — Тара, в 1596 — Нарым и Кетский Острог, неодолимые твердыни для диких остяков, вогуличей и всех бывших Кучюмовых улусников, которые иногда еще мыслили о сопротивлении, изменяли и не хотели платить ясака: так в грамотах царских упоминается о мятеже пелымского князя Аблегирима, коего велено было воеводе нашему схватить хитростию или силою и казнить вместе с сыном и с пятью или шестью главными бунтовщиками вогульскими. Кроме воинов, стрельцов и козаков, Годунов посылал в Сибирь и земледельцев из Перми, Вятки, Каргополя, из самых областей московских, чтобы населить пустыни и в удобных местах завести пашню. Распоряжениями благоразумными, обдуманными, без усилий тягостных, он навеки утвердил сие важное приобретение за Россию, в обогащение государства новыми доходами, новыми способами торговли и промышленности народной. Около 1586 года Сибирь доставляла в казну 200 000 соболей, 10 000 лисиц черных и 500 000 белок, кроме бобров и горностаев.

В делах внешней политики Борис следовал правилам лучших времен Иоанновых, изъявляя благоразумие с решительностию, осторожность в соблюдении целости, достоинства, величия России. Два посла были в Москве свидетелями Фео-